УДК: 316.346.32-053.6 DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-6-65-74

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф., Ушамирский А.Э.[1]

Рассматривается структура человеческого потенциала молодежи в российском социуме, который определяется как способность и готовность молодых людей действовать в соответствие с принятыми в обществе нормами, а также сообразно с теми или иными паттернами ценностей. Подчеркивается, что способность характеризуется наличием ресурсов, готовность – спецификой интересов, ценностей и определяющейся данными факторами мотивацией. Обосновывается, что основные тенденции эволюции потенциала молодежи в России связаны с повышением значимости способности личности адекватно оценивать ресурсы и последствия их применения, возрастанием роли индивидуалистических ценностей, что в конечном итоге обусловливает прагматичность молодых людей.

Ключевые слова: человеческий потенциал молодежь, человеческий потенциал молодежи, интересы молодежи, ресурсы личности, ценности, мотивация.

HUMAN POTENTIAL OF YOUTH: CONTRADICTIONS OF FORMATION AND IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN SOCIUM

BABINTSEV V. P. –Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Technologies of the Institute of Management of the Belgorod State National Research University (Russian Federation, Belgorod), e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

USHAMIRSKAYA G.F. –Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law (Russian Federation, Volzhsky), e-mail: rector@viepp.ru

USHAMIRSKIY A.E. –Candidate of Juridical Sciences, Docent, Dean of the Law Faculty of Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law (Russian Federation, Volzhsky), e-mail: viepp@list.ru

The article considers the structure of the human potential of the youth in Russian society, which is defined as the ability and willingness of young people to act appropriately to socially accepted norms, in accordance with certain patterns of values. It is emphasized that the ability is characterized by the availability of resources, willingness – by specific interests, values, and determined data with the factors of motivation. It is substantiated that the main trends of the evolution of the youth potential in Russia are associated with the enhancement of the ability of the individual to adequately assess the resources and consequences of their use, the increasing role of individualistic values, which ultimately determines the pragmatic youth.

Keywords: human potential, youth, human potential of the youth, interests of youth, the resources of personality; values, motivation.

Бабинцев Валентин Павлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий Института управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, адрес: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Ушамирская Галина Федоровна – доктор социологических наук, профессор, ректор Волжского института экономики, педагогики и права, адрес: 404111, Россия, Волгоградская область, г. Волжский, ул. Советская, д. 6, e-mail: rector@viepp.ru

Ушамирский Алексей Эдуардович – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Волжский институт экономики, педагогики и права, адрес: 404111, Россия, Волгоградская область, г. Волжский, ул. Советская, д. 6, e-mail: viepp@list.ru

В научной литературе, а еще более в публицистике с молодежью довольно часто связывают надежды на улучшение общества, несмотря на то, что степень выраженности оптимистических ожиданий во многом определяется социальным контекстом. Так, в первой половине 90-х годов, отмеченных резким падением уровня жизни и обострением социальных проблем, преобладал взгляд на молодежь как на потерянное поколение, сохранявшийся в качестве приоритетного практически до конца этого десятилетия. Однако уже в 1998 году позиция сторонников пессимистического подхода встретила существенные возражения. И если организаторы конференции «Молодежь России: потерянное поколение или надежда XXI века», характеризуя молодежь, еще подчеркивали, что «молодые люди испытывают растерянность и беспомощность после непосредственного столкновения со злом, жестокостью, бескультурьем, воинствующим хамством и невежеством»[1], то один из авторитетных ее участников А.А. Козлов, защищая идею о молодежи как лидирующей группе общества, оппонировал: «И сколь бы тяжелое впечатление ни оставляли данные статистики (а это касается вовсе не только молодежи), можно уверенно говорить не только о достаточном соответствии характеристик значительной части современного молодого поколения основным тенденциям развития общества, но и предполагать наличие у него необходимого потенциала и определить его как поколение нашей общей надежды»[2].

Дальнейшее развитие событий выявило неполное совпадение с реальной практикой обеих точек зрения. Вероятно, в том числе и поэтому оценка перспектив молодежи в наше время становится более осторожной, дистанцирующейся от крайностей. Но при этом – заметно менее определенной. Так, М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги сравнительно нейтрально характеризуют молодежь в России как «носителя будущих общественных отношений и как *претендента* на доминирование в распределительных отношениях»[3].

В контексте рассматриваемых расхождений в позициях различных исследователей становится весьма актуальной проблема человеческого потенциала российской молодежи. В теоретическом плане ее анализ позволит уточнить представления о ее статусе и в определенной степени их демифологизировать. В практическом отношении решение данной проблемы – реализовать меры, направленные на повышение эффективности проектов и программ в сфере молодежной политики. Это тем более важно, что многие из них отличаются размытым целеполаганием, отсутствием взаимной увязки показателей, недостаточной эффективностью системы оценок, дефицитом гибкости[4].

В научной литературе сложилось сравнительно устойчивое представление о феномене потенциала молодежи. Так, в словаре «Социология молодежи» он трактуется как «возможности, заложенные в молодой генерации для обеспечения поступательного развития общества и саморазвития как на уровне данной социальной общности, так и на индивидуально-личностном»[5].

Значительно меньше внимания уделяется анализу понятия «человеческий потенциал

[1] Романов В.Е., Манько Ю.В., Пуляев В.Т., Слуцкий Е.Г. От редакционной коллегии конференции // Молодежь России: потерянное поколение или надежда XXI века? : – Материалы Рос. ювенол. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 27–28 марта 1998.: в 2 ч.. – СПб.: Изд. СПГУТД, 1998. – Ч. 1. – С.7.

[2] Козлов А. А. Только поколение надежды! // Молодежь России: потерянное поколение или надежда XXI века?: Материалы Рос. ювенол. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 27–28 марта 1998 г. : в 2 ч.. – СПб.: Изд. СПГУТД, 1998. Ч. 1. – С. 240.

[3] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – С. 584.

[4] Кравченко В.М., Бунеева Р.И., Правильникова Н.С. Программно-целевой подход к управлению социальным развитием региона // Вестник ВГУ. Серия: История. Социология. Политология. – 2012. – №1. – С.41.

[5] Социология молодежи Энцикл. слов. – М.: Academia, 2008. – С.358.

молодежи», которое, по нашему мнению, более уместно для характеристики ее статуса. Во-первых, потому, что в этом случае акцентируется внимание на антропологической природе рассматриваемого феномена, отличающей его от потенциала социальных институтов, который может служить предметом специального исследования[1]. Во-вторых, антропомерная дефиниция потенциала позволяет принять во внимание довольно ярко выраженную субкультурную дифференциацию современной молодежной среды, для которой характерно разнообразие «духовных миров»[2]. Эта дифференциация не может не оказывать влияние и на человеческий потенциал молодежи, нередко разграничивая молодых людей на вероятных лидеров, основную массу и аутсайдеров.

При попытке осмыслить феномен человеческого потенциала сталкиваемся с с неопределенностью трактовки исходной категории «потенциал». Ее интерпретируют в русле самых различных подходов: ресурсного (В.Г. Новиков, В.И. Староверов), акмеологического (А.А. Деркач), структурного (И.В. Богатырева), личностно-профессионального (В.Н. Марков). Каждый из них имеет как достоинства, так и недостатки[3].

Пожалуй, единственное, в чем сходится большинство исследователей, заключается в том, что потенциал – это всегда возможности либо человека, либо группы, либо социального института. Эти возможности, по нашему мнению, складываются из двух составляющих: способности и готовности любого актора к социальным, то есть, согласно М. Веберу[4], целесообразным и учитывающим реакцию других действиям.

Принимая во внимание данное обстоятельство, мы определяем человеческий потенциал молодежи как комплекс способностей и одновременное готовность молодых людей действовать и взаимодействовать, сообразуясь с теми или иными паттернами ценностей и смыслов. Данное определение не содержит в себе оценочной составляющей, оно лишь подчеркивает наличие определенной зависимости способностей и готовности от ценностно-смыслового комплекса личности. Но, в свою очередь, этот комплекс может быть как конструктивным, так и деструктивным, равно как и человеческий потенциал молодежи.

С учетом данного определения можно сделать несколько выводов. Во-первых, человеческий потенциал молодежи структурирован. Более того, способность и готовность молодых людей к действиям сами по себе складываются из нескольких элементов. В частности, способности к социальному действию допустимо рассматривать как комплекс социальных ресурсов. Спектр их весьма разнообразен и включает в себя экономические, интеллектуальные, информационные, коммуникативные, соревновательные, коллективистские (групповые), деятельностные, инновационные, организационные, технологические и иные ресурсы. Вполне естественно, что объем ресурсов различается у каждого отдельного молодого человека и каждой группы молодежи. Но, по нашему мнению, можно выделить некие общие характеристики состояния ресурсного компонента человеческого потенциала молодежи. Во-первых, довольно очевидно, что для молодежи как социально-демографической группы, находящейся в процессе постоянного становления (то есть, в сущности, группы маргинальной), типична ограниченность ресурсов, как правило, их сравнительно меньший объем по сравнению с ресурсами «взрослого»

---

[1] Павлов А.П. Интеллектуальный потенциал образовательного учреждения // Качество образования, качество человеческого капитала, качество жизни. Сборник докладов и статей Международной научно-практической конференции. Москва, 26 июня 2012. – М.: Изд-во СГУ, 2012. – С. 80–89.

[2] Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – С.47.

[3] Захаров В.М. Реновационная система воспроизводства профессионального потенциала как условие обеспечения эффективности регионального управления. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 20–39.

[4] Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 626.

населения. Во-вторых, в структуре молодежных ресурсов преобладают деятельностные и информационные, что обусловлено, с одной стороны, недостаточной доступностью иных видов, с другой стороны – вовлеченностью большинства молодых людей в образовательный процесс. В-третьих, характеристика ресурсов молодежи требует не только определения их структуры, но и направленности. В зависимости от характера ценностных паттерн ресурсы могут быть ориентированы на достижение как позитивных, так и негативных целей.

В силу последнего обстоятельства решающее значение нередко приобретает не обладание ресурсами, а способность молодого человека правильно их оценить, использовать (актуализировать) и – что особенно существенно – понять последствия применения для себя и для общества. Возможность сделать это в значительной степени определяется диспозицией личности молодого человека, прежде всего – его представлением о содержании жизненного успеха, на достижение которого ориентировано большинство молодых людей, и – соответственно – выбором необходимых для этого способов.

Мы попытались определить, как представляют структуру доступных им и при этом значимых ресурсов сами молодые люди. Распределение их ответов на вопрос, с чем они связывают достижение жизненного успеха, полученное в ходе исследования «Интересы современной молодежи», проведенного методом анкетирования в Волгоградской области в 2016 году (руководитель – А.Э. Ушамирский, n = 501), фактически показало: 43,71% респондентов отдали предпочтение знаниям, подчеркнув тем самым роль информационного ресурса (следует принять во внимание, что знания большинством молодых людей чаще всего не вполне обоснованно воспринимаются исключительно как информация). 35,33% признали, что для успеха важны ум и культура, что (с некоторыми оговорками) можно рассматривать как интеллектуальный ресурс. На значение деятельностного ресурса указала заметная часть респондентов (22,75% сослались на целеустремленность, 26,95% – на общественную активность).

Опрос выявил довольно парадоксальную ситуацию. Молодые люди, которые, казалось бы, должны быть ориентированы на социальные перемены, низко оценили нестандартность мышления и поведения (указали 7,58%). Инновационный ресурс вряд ли следует отнести к числу личностных активов большей части молодежи. Поэтому отдельные успехи молодых людей в проектировании инноваций, о которых довольно часто сообщают средства массовой информации, скорее всего, представляют исключение, нежели правило.

Исследование дает основание говорить о наличии в молодежном сознании разрыва между знаниями, приобретение которых часто воспринимается не в содержательном плане, но лишь как обретение возможности претендовать на высокий (с точки зрения субъекта) общественный статус, и реальными навыками преобразования жизни. Подобное отношение к знаниям продуцируется общероссийским социальным контентом, в рамках которого интеллект и знания крайне редко обеспечивают доступ к важнейшим социальным лифтам.

Это, в частности, детерминирует недооценку и, следовательно, ограниченную актуализацию молодыми людьми технологического ресурса. Социальные технологии как процедуры преобразования реальности остаются невостребованными многими молодыми людьми. Так, исследование «Управление формированием социально-технологической культуры менеджеров», проведенное в 2010 году в Белгородской области (руководитель – Л.Я. Дятченко, n = 700), показало: только 48% студентов (будущих менеджеров) связывают личный жизненный успех с использованием социальных технологий. Подобная установка крайне негативно влияет на процесс воспроизводства в российском обществе социально-технологической культуры.

Лишь около одной пятой молодых людей считают значимым для обеспечения жизненного успеха коммуникативный ресурс, прежде всего связей и знакомств (18,96%). Безусловно,

выявленный показатель не следует абсолютизировать. Но нельзя не принимать во внимание, что в российском обществе, характеризующемся высоким уровнем трайбализма и непотизма, сравнительно низкая ориентация молодых людей на поддержку родственников выявляет весьма позитивную тенденцию развития. Разумеется, это не гарантирует перемены их точки зрения по мере взросления.

Ресурсы молодежи, во-первых, исключительно динамичны, поскольку изменчива сама реальная (и виртуальная) среда жизнедеятельности молодых людей. Во-вторых, их следует анализировать с учетом не только микросоциального, но и макросоциального контекста. Последний зачастую оказывает на их объем и структуру наиболее значимое, хотя и неоднозначное, влияние.

Вопреки сложившимся стереотипам, глобальные системы, в которые все более включается молодежь (преимущественно через социальные сети), во многих случаях не увеличивают ее ресурсные возможности. Нередко они их даже редуцируют, главным образом за счет своеобразной ресурсной сегрегации. Она стала довольно существенным феноменом современного молодежного бытия и выражается в сознательном или бессознательном стремлении молодых людей ограничить эквивалентный ресурсный обмен пределами собственной корпорации– родственной, соседской, профессиональной, этнокультурной или иной. В отношении же тех, кто к данной корпорации не принадлежит, нередко используются технологии насилия и манипуляции. Средства массовой информации все чаще сообщают о случаях проявления жестокости детьми и молодыми людьми в отношении тех, кто воспринимаются как чужой. Личностный ресурс в этом случае мобилизуется для деструктивных, в основе своей антигуманных целей.

Не менее сложные вопросы возникают при анализе готовности к социальному действию как компонента человеческого потенциала молодежи. Он также структурирован и включает в себя такие компоненты, как интерес, индивидуальные ценности, мотивация. Несмотря на наличие связи между всеми этими элементами, они не тождественны друг другу. Интерес выражает направленность «индивидуального и группового сознания на осмысление целей деятельности, связанной с удовлетворением возникающих потребностей»[1]. С одной стороны, он детерминирован ценностями и смыслами, разделяемыми молодым человеком; с другой стороны, сам оказывает на них влияние. Ценности, в свою очередь, согласно Г. Риккерту, проявляя себя в качестве объективных смыслов, связанных с суждением[2], выступают своеобразным «актуализатором» ресурсов. Если следовать концепции С. Московичи, «они «навязывают» человеку дисциплину и учат, что хорошо или плохо, верно или неверно, вплоть до того, что правила и ценности становятся в результате частью его самого, инкорпорируются в его конституцию» [3]. Ценности более, чем все иные компоненты, формируют диспозицию молодого человека, но они же менее всего поддаются внешнему влиянию, особенно в настоящее время, когда в нашем обществе утрачен опыт формирования у больших групп населения социетально-ориентированных ценностных систем.

Мотивы, продолжая и воплощая интересы и ценности, побуждают личность к действию и переводят тем самым потенциальную готовность в реальные поступки. При этом само по себе наличие интересов или ценностей автоматически далеко не всегда переходит в мотивацию, которая нередко «включается» стимулами как своего рода дополнительными стартерами. И в данном отношении мотивация существенным образом зависит от социального контекста.

---

[1]Социология молодежи. Энцикл. слов. – М.: Academia, 2008. – С.163.
[2] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 131.
[3] Московичи С. Машина, творящая богов. – М.: Центр психологии и психотерапии: КСП+, 1998. – С. 285.

Противоречивость этого контекста ведет к тому, что процесс формирования и изменения готовности молодых людей к действиям носит нелинейный (диссипативный) характер. Ее отдельные элементы меняются асинхронно под влиянием различных, иногда случайных, аттракторов. Не менее неустойчиво и противоречиво состояние каждого из этих элементов; зачастую оно не укладывается в традиционные для науки о молодежи представления.

Эта изменчивость довольно наглядно проявляется в ходе сравнительного анализа динамики целеполагания, которое, по нашему мнению, довольно адекватно отражает модификацию интересов молодых людей. Оценить ее мы попытались на основе исследований, которые были проведены, начиная с 1997 года, в Белгородской, Волгоградской, Саратовской и Ростовской областях[1].

Анализ показывает: приоритетной целью молодых людей в течение всех этих лет остается семейное счастье. Однако в 1997 году эту цель в качестве приоритетной указывали 69,73% респондентов, в 2009 – 65%, а в 2014 – лишь 57,47%. В сравнении с 1997 годом в 2009 и в 2014 годах существенно выросла и сохраняется стабильно высокой среди молодежи доля «карьеристов» (с 24,84% до 41,29% и 41,29%), что, очевидно, обусловлено утверждением в молодежной среде целерациональной (по М. Веберу) модели поведения.

Меняется отношение к власти. В 1997 году она была главной целью для 7,72% респондентов, но в 2014 году – уже для 17,07%. Почти на 11 пунктов в 2009 году (26,57%) и почти на 12 пунктов в 2014 (25,67%) по сравнению с 1997 годом (37,16%) сократилась доля молодых людей, предпочитающих быть свободными и независимыми в своих действиях. Но почти на 5 пунктов в 2014 году по сравнению с 1997 годом (27,67%) увеличилась доля респондентов, стремящихся реализовать свой талант и способности. Данный показатель остался почти неизменным в 2016 году.

Заметно не изменились и некоторые другие показатели. Остается практически неизменной в течение всех лет доля молодых людей, нацеленных на богатство и возможность стать квалифицированным специалистом (соответственно 19,21%; 18,14%; 19,20%). Стабильна установка стать квалифицированным специалистом, характерная почти для каждого пятого респондента.

Таким образом, интересы молодых людей как элемент их готовности к социальным действиям эволюционируют в направлении самореализации в профессиональной сфере, самоутверждения в тех областях общественной жизни, которые позволяют контролировать общественные ресурсы. Одновременно растет доля тех, кто намерен реализовать свои способности безотносительно к социальной сфере. При этом сокращается доля претендентов на личностную автономию.

Эволюционирует (также весьма противоречиво) и ценностный элемент человеческого потенциала молодежи. Его изменения обычно объясняют, ссылаясь на теорию социальной аномии, которую либо, вслед за Э. Дюркгеймом, трактуют как распад прочной системы нравственных ценностей, либо, согласно Р. Мертону, как результат конфликта норм в культуре. Но, на наш взгляд, ядро проблемы заключается в чисто ситуативном отношении к ценностям, связанном с тем, что случайный характер носит выбор, какие ценности следует, а какие не следует усваивать и отстаивать. Таким образом, проблема ценностного самоопределения приобретает ярко выраженный нормативный (далеко не всегда правовой) характер. Понятие

[1] «Молодежь России» (руководитель В.П. Бабинцев, проведен в 1997 году, n = 1000); «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии» (руководитель В.П. Бабинцев, 2009 год, n = 700); «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (руководитель – А.Э. Ушамирский, 2014 год, n = 1500).

«норма» в данном случае трактуется в предельно широком социальном плане.

К.В. Сергеева пишет: «В условиях, когда социальные нормы теряют свою функцию социального контроля, что характерно для переходного общества, происходит рост аномии, а также воспроизводство социальных рисков. Разрушение моральных, правовых, идеологических основ жизни приводит к тому, что заметно расширяются возможности выбора жизненных стратегий с высокой степенью непредсказуемости и случайности» [1]. Нормы в этом случае не легитимируются, одновременно происходит их постоянная переоценка. В результате человеческий потенциал молодого человека становится гипердинамичным и в значительной степени симулятивным (декларативным). Он начинает сводиться к чисто формальным признакам, получая при этом символическое (формально-документальное) подкрепление. Молодые люди (часто не по собственной инициативе) все более втягиваются в погоню за формальными оценками своей деятельности, пренебрегая реальными достижениями. Но, несмотря на парадоксальность данного феномена, именно симулятивный потенциал становится адекватным массовым имитационным практикам, в которые неизбежно включается молодежь.

При этом в сознании молодых людей коллективистские ценности легко замещаются на индивидуалистские[2]. Проведенное нами в Волгоградской области в 2016 году исследование «Интересы современной молодежи» лишь подтвердило эту оценку. Если в ходе опроса молодые люди по десятибалльной шкале оценили значимость жизни в свое удовольствие в 7,06 балла, то причастность к коллективу – только в 6,61 балла.

Индивидуалистически-ориентированный тип молодого человека начал формироваться еще в 90-е годы прошлого века. А.И. Шендрик еще довольно давно дал ему точную и объемную характеристику: «В моральном плане он сдержанно агрессивен. Ему свойственна определенная доля жестокости, которая, с его точки зрения, является вполне оправданной, ибо он твердо уверовал в то, что «человек человеку – волк» и что каждая оказываемая ему услуга или одолжение определяется интересом того человека, который ее оказывает. Он не верит, что добрые дела делаются бескорыстно, в силу морального долга, веления совести. Последняя для него является абстракцией. Он предпочитает говорить о порядочности, которую понимает как пунктуальность взятых на себя обязательств, но при условии, что ему будут платить той же «монетой». При решении возникающих проблем он рассчитывает только на себя, считая, что большинство людей занято только собой и надеяться на их помощь – значит быть утопистом» [3].

Проявление тенденции к индивидуализации молодежной среды подтверждают и исследования других авторов. Е.К. Казарина-Волшебная, И.Г. Комиссарова, В.Н. Турченко, в частности, пишут: «Итак, радикальная трансформация ценностных ориентаций российской молодёжи в последние 20 лет идёт преимущественно в направлении вытеснения общественно значимых ценностей сугубо индивидуалистскими ценностями. Это проявляется, во-первых, в преобладании принципов экофобной парадигмы над экофильной. Во-вторых, в ценностных ориентациях молодёжи к другому человеку, к обществу, сильнее проявляется тенденция распространения принципов эгоистической парадигмы, замещающих

[1] Сергеева К.В. Культурная идентичность как фактор социализации современной российской молодежи: автореф. дис. … канд. социол. наук. 22.00.06. – М.: Моск. гос. гуманит. ун-т им. М. А. Шолохова, 2012. – С.13.
[2]Социология молодежи. Энцикл. слов. – М.: Academia, 2008. – С.132–133.
[3]Шендрик А. И. Коллизии ценностного сознания российской молодежи в постперестроечный период // Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции: по материалам Междунар. науч. конф., Москва, 24–26 нояб. 1993 г. – М., 1994. – С. 55.

альтруистические. В-третьих, в трансформации ценностных ориентаций молодых людей на труд преобладает тенденция отношения к труду как к инструментальной ценности»[1].

Гипериндивидуализм большей части молодежи инициирует формирование адекватных ему жизненных стратегий, которые максимально прагматичны. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги на основании комплексных исследований заключают: «Российская молодежь достаточно практична. Она ценит материальный достаток, работу, стремится во всем положиться на себя»[2].

Индивидуализация ценностной системы при сосредоточении интересов преимущественно на двух задачах – достижении семейного счастья и успешной карьере – является довольно естественным процессом. Постановка этих задач фактически диктуется современной массовой культурой, которая, с одной стороны, прославляет делового человека (эффективного менеджера), с другой стороны, сохраняет пиетет по отношению к семье, несмотря на то, что она понимается далеко не всегда в традиционном значении этого понятия. Однако нельзя не видеть в подобной ориентации человеческого потенциала риск одномерного развития личности за счет исключения ее из процесса гражданского развития и редуцирования культурных запросов до угрожающего самой человеческой идентичности минимума.

Библиография/References:

1. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
3. Захаров В.М. Реновационная система воспроизводства профессионального потенциала как условие обеспечения эффективности регионального управления. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016.
4. Зубок Ю.А., Яковук Т.И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. – Брест: «Альтернатива», 2008. – 204 с.
5. Казарина-Волшебная Е.К, Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформаций ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. СОЦИС. – 2012. – № 6. – С. 121–126.
6. Козлов А. А. Только поколение надежды! // Молодежь России: потерянное поколение или надежда XXI века?: материалы Рос. ювенол. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. – СПб.: Изд. СПГУТД, 1998.– С. 237–240.
7. Кравченко В.М., Бунеева Р.И., Правильникова Н.С. Программно-целевой подход к управлению социальным развитием региона // Вестник ВГУ. Серия: История. Социология. Политология. – 2012. – №1. – С. 36–41.
8. Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 360 с.
9. Московичи С. Машина, творящая богов. – М.: Центр психологии и психотерапии: КСП+, 1998. – 560 с.
10. Павлов А.П. Интеллектуальный потенциал образовательного учреждения // Качество образования, качество человеческого капитала, качество жизни. Сборник докладов и статей

[1] Казарина-Волшебная Е.К, Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформаций ценностных ориентаций российской молодежи // СОЦИС. – 2012. – № 6. – С. 126.
[2] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – С.134.

Международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во СГУ, 2012. – С. 80 – 89.

11. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

12. Романов В.Е., Манько Ю.В., Пуляев В.Т., Слуцкий Е.Г. От редакционной коллегии конференции // Молодежь России: потерянное поколение или надежда XXI века?: материалы Рос. ювенол. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. – СПб.: Изд. СПГУТД, 1998.– С. 5–9.

13. Сергеева К.В. Культурная идентичность как фактор социализации современной российской молодежи: автореф. дис. … канд. социол. наук. – М.: Моск. гос. гуманит. ун-т им. М. А. Шолохова, 2012. – 16 с.

14. Социология молодежи. Энцикл. слов. – М.: Academia, 2008. – 606 с.

15. Шендрик А. И. Коллизии ценностного сознания российской молодежи в постперестроечный период // Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции: по материалам междунар. науч. конф. – М., 1994. – С. 51–59.

1. Veber, M. (1990) Izbrannye proizvedeniia [Selected works]. – M.: Progress. – 804 p. (In Russ.)

2. Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. (2010) Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret [Youth of Russia: a sociological portrait]. – M.: TsSPiM. – 592 p. (In Russ.)

3. Zakharov, V.M. (2016) Renovatsionnaia sistema vosproizvodstva professional'nogo potentsiala kak uslovie obespecheniia effektivnosti regional'nogo upravleniia [Renovation system of reproduction of professional potential as a condition for ensuring the effectiveness of regional management]. – Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU». (In Russ.)

4. Zubok, Iu.A., Iakovuk, T.I. (2008) Dukhovnaia zhizn' molodezhi v transformiruiushchemsia obshchestve [Spiritual life of youth in a transforming society]. – Brest: «Al'ternativa». – 204 p. (In Russ.)

5. Kazarina-Volshebnaia, E.K, Komissarova, I.G., Turchenko, V.N. (2012) Paradoksy transformatsii tsennostnykh orientatsii rossiiskoi molodezhi [Paradoxes of transformations of value orientations of the Russian youth] // Sotsiologicheskie issledovaniia. SOTsIS [Sociological research]. – № 6. – P. 121–126. (In Russ.)

6. Kozlov, A. A. (1998) Tol'ko pokolenie nadezhdy! [Only a generation of hope!] // Molodezh' Rossii: poteriannoe pokolenie ili nadezhda XXI veka? [The youth of Russia: the lost generation or the hope of the XXI century?]: materialy Ros. iuvenol. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Ch. 1. – SPb.: Izd. SPGUTD.– P. 237–240. (In Russ.)

7. Kravchenko, V.M., Buneeva, R.I., Pravil'nikova, N.S. (2012) Programmno-tselevoi podkhod k upravleniiu sotsial'nym razvitiem regiona [Program-target approach to management of social development of the region] // Vestnik VGU. Seriia: Istoriia. Sotsiologiia. Politologiia [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]. – №1. – P. 36–41. (In Russ.)

8. Morozova, T.I. (2012) Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona [Regulation of the processes of self-organization of youth in the socio-cultural space of the region]. – Belgorod: ID «Belgorod». – 360 p. (In Russ.)

9. Moskovichi, S. (1998) Mashina, tvoriashchaia bogov [The machine that creates the gods]. – M.: Tsentr psikhologii i psikhoterapii: KSP+. – 560 p. (In Russ.)

10. Pavlov, A.P. (2012) Intellektual'nyi potentsial obrazovatel'nogo uchrezhdeniia [Intellectual potential of an educational institution] // Kachestvo obrazovaniia, kachestvo chelovecheskogo kapitala, kachestvo zhizni [Quality of education, quality of human capital, quality of life]. Sbornik dokladov i statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – M.: Izd-vo SGU. – P. 80 – 89. (In Russ.)

11. Rikkert, G. (1998) Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Science about nature and science of culture]. – M.: Respublika. – 413 p. (In Russ.)

12. Romanov, V.E., Man'ko, Iu.V., Puliaev, V.T., Slutskii, E.G. (1998) Ot redaktsionnoi kollegii konferentsii [From the editorial board of the conference] // Molodezh' Rossii: poteriannoe pokolenie ili

nadezhda XXI veka? [The youth of Russia: the lost generation or the hope of the XXI century?]: materialy Ros. iuvenol. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Ch. 1. – SPb.: Izd. SPGUTD. – P. 5–9. (In Russ.)

13. Sergeeva, K.V. (2012) Kul'turnaia identichnost' kak faktor sotsializatsii sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Cultural identity as a factor in the socialization of contemporary Russian youth]: avtoref. dis. … kand. sotsiol. nauk. – M.: Mosk. gos. gumanit. un-t im. M. A. Sholokhova. – 16 p. (In Russ.)

14. Sotsiologiia molodezhi [Sociology of Youth]. Entsikl. slov. – M.: Academia, 2008. – 606 p. (In Russ.)

15. Shendrik, A. I. (1994) Kollizii tsennostnogo soznaniia rossiiskoi molodezhi v postperestroechnyi period [Collisions of the value consciousness of Russian youth in the post-perestroika period]// Tsennostnyi mir sovremennoi molodezhi: na puti k mirovoi integratsii [The value world of modern youth: on the way to world integration: on the materials of the international]: po materialam mezhdunar. nauch. konf. – M. – P. 51–59. (InRuss.)